

Протоиерей Алексей Лисняк

ЗЕМЛЯНИЧНЫЕ ЛУГА

Вольный
Странник

Москва, 2019

УДК 821.161.1-322.2Алексий

ББК 84(2=411.2)6-44

А 48

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р19-912-0458

Лисняк Алексей, протоиерей

А 48 Земляничные луга: сборник рассказов / сост. Т. А. Григорьева. — М.: Фонд социокультурных проектов «Традиция», 2019. — 192 с.: — ил.

ISBN 978-5-00152-014-6

О чём эта книга? Трудно ответить однозначно, поскольку любое, даже самое маленькое произведение искусства охватывает всю полноту, всё многообразие человеческой жизни. Одно можно сказать с уверенностью: в этой книге нет «рассказов батюшки о прихожанах», здесь рассказы писателя о жизни, о людях, о нас. О нас, объединённых одной Землёй, одним Небом, одним Богом.

УДК 821.161.1-322.2Алексий

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00152-014-6

© Алексей Лисняк, 2019

© Фонд «Традиция» 2019

Предисловие

После прекрасной русской прозы ярких авторов, как Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, после ухода этих замечательных, я считаю — святых людей в нашей русской литературе таких писателей осталось мало. И очень приятно мне было познакомиться с рассказами о. Алексия Лисняка. Эти рассказы меня взволновали, понравились простотой, доходчивостью. В рассказах Лисняка — душа человеческая — наша православная душа русского народа, простого человека, который нуждается и в слове Божьем, и в покровительстве Божьем. Наш народ, вроде безобидно живущий, вместе с тем не может удалиться от страданий. И эта боль за страдающего человека, за живущего на Российской земле, она в его рассказах чувствуется. Рассказы его полны добротой, искренностью и, что ещё приятно, любовью к земле Русской: он чувствует небеса, цвет яблонь, запах цветов на Земле. Земля-то прекрасна! Жить человеку да радоваться, но приходится страдать и оглядываться... И что ещё тяготит душу человеческую — это память о невзгодах, которые приходили в прошлом на его жизнь и судьбу. Всё это очень ярко выражено в рассказах Лисняка. И вместе с тем эти рассказы дают человеку надежду, надежду и веру в то, что не всё ещё потеряно. Когда веришь, жить легче. Вот эту-то веру — веру в Бога и внушает проза о. Алексия. И за это спасибо ему.

*Народный артист России
Александр Панкратов-Чёрный*

Кровная родня

Пастораль

Отец Георгий из села Горянина, как известно, любит жизнь. Особенно Жизнь вечную. Батюшка часто о ней мечтает, и всякий раз при мысли о Вечности его стареющий взгляд просветляется.

А недавно отец Георгий видел сон. Будто он на лугу. Только-только пробежал дождик, радуга в полнеба, а вокруг — ах! — даже слов нет! Умытые фиалки щурятся свету, колокольчики малиново трезвонят, иван-чай кивает пузатому шмелю, приветствует «Утро доброе!» — душа поёт! Облака в синеве — барашками, и где-то там, высоко-высоко, ручейками льются жаворонки. Вокруг отца Георгия хорошие овечки. Батюшка их лелеет, запускает пальцы в белые кудряшки: «Овечечки мои, пасётесь?» Над облаками — батюшка знает — Бог. Бог благословляет всех, и все рады. «Привёл-таки Господь упасти своё стадо». И овечек-то всех-всех священник знает, будто это его прихожане. Вон та, голубоглазая, — это бабка Маруська, она ещё, было дело, всё исповедоваться боялась. А вон та, розовоногая, — это Лукичёва Танька, соседская девчущка-подросток, которая весной помогала батюшке картошку сажать. А вон тот белозубый крепкий молодец — совхозный зоотехник Николай, которого отец Георгий уговорил-таки в этот год поститься.

Ух, какая она, оказывается, Вечная жизнь! Бабочки порхают, и с ними порхает батюшкина душа. Прописаться бы на этом лугу и цвести алым маком! Его преподобие от счастья прослезился, подумал, что он чаёт воскресения мертвых и жизни будущего века, хотел было в радости перекреститься, уже и руку занёс...

Но тут под окном заорал петух.

Отец Георгий проснулся и уставился в потолок...

Ночью пробежал дождик, предрассветная свежесть колышет на окнах тюль. В форточку веет зеленью, будто с того самого луга, и батюшке долго-долго не верилось, что он дома, что это был всего лишь сон.

Весь день отец Георгий пребывал в блаженстве, ходил сам свет. Внучку катал на шее, она хихикала. Кошке отдал свою порцию холодца. По пути в храм бросил курам «мои ж вы ласточки», а когда повстречал Петровну, так ей улыбнулся, что та попятилась.

«Пастырь добрый душу свою полагает за овцы»...

...А Лукичёвой Таньке батюшка подарил серебряный крестик. Так день и прошёл.

Вечером, чтоб не забыть своего пресветлого видения, батюшка решил всё, что снилось, описать. Он заперся в комнате, включил внуков компьютер. Подумал-подумал и принялся тыкать в клавиши указательным пальцем. Сначала не клеилось: то нужные буквы прятались, то мысли разбегались. Но ближе к ночи батюшку накрыло такое яростное вдохновение, что он обо всём забыл. Разгорячённый, он вбивал пальцем в литературное полотно полуночные откровения, делал это всё проворнее и проворнее. Получался настоящий полноценный рассказ. Автор самозабвенно подпускал в него много всего такого, нужного. Райский лужок из того сна украшали всё новые и новые детали: «плачущих ангелов» сменяли «рук воздеяния»,

«поруганные святыни с угасшими лампадами» чередовались здесь с «воздаяньями усопшим». К месту пристроились «коленопреклоненные молитвы о пастве своей». Яркой линией через всё полотно тянулось здесь главное: «Однажды мне приснился один сон», и лились бесконечные «слезы умиления».

Когда под окном заорал вчерашний петух, отец Георгий озаглавил произведение «Батюшка и овечки» и поставил под рассказом точку...

Супруге отца Георгия духовный рассказ понравился безоговорочно, как только она проснулась. Потом духовный рассказ настиг поднявшуюся дочь и скоропостижно понравился ей. Потом белые овечки вероломно подкараулили старенькую Архиповну, которая гнала в тумане свою корову мимо дома священника. Потом, когда мимо батюшкиного крыльца проходила учительница Анна Ивановна, рассказ озадачил её. И она посоветовала отцу Георгию разместить «Батюшку и овечек» кое-где в сети, даже сама помогла это сделать и показала отцу Георгию, где смотреть читательские комментарии и как отвечать...

Солнышко выпило утренний туман и сияло над счастливым селом. У соседей визжал поросёнок. Отец Георгий сидел перед компьютером, ждал отзывов и волновался. Наконец дзынькнуло, и на экране высветилось: «Елена прокомментировала вашу заметку». Батюшка затрепетал, навёл курсор и прочёл: «Спаси Господи за такой тёплый рассказ». Священник улыбнулся и ответил: «Во славу Божию». Снова дзынькнуло: «Мария прокомментировала вашу заметку». Батюшка, волнуясь, схватил мышь и увидел: «Спаси Господи, отец Георгий». Вскоре компьютер батюшку ещё раз поблагодарил. А потом ещё. Потом благодарили какие-то Валентины, сразу три штуки, потом некая добрая Анна. Неизвестная Вера тоже благодарила, правда, указала и на ошибки, но это не суть, дело житейское.

Похоже, отцу Георгию удалось передать своё высокое настроение от того дивного сна. Волнение сменилось тихой радостью. Пастырь, овечки, духовная идиллия! Потрудился

пастух, привёл своё стадо на святые пажити. Сподобил Бог, по молитвам. Автор потянулся на стуле, почувствовал, как зудят за спиной крылья, просят полёта, и снова услышал «дзынь». Компьютер сообщал, что «его заметку» прокомментировал некий Недовзоров. Пастырь открыл комментарий и остолбенел: «Попья дурья башка! Молится он, видите ли! Поди уже старый, а всё не допёр — в этой жизни всё, ну абсолютно всё, зависит только от человека. От человека, а не от бога. Хоть ты башку об пол разбей, а гвоздь сам не вколотится и картошка сама не посадится».

Сюрприз...

Крылья повисли. Оторопелый автор «Батюшки и овечек» перечитал комментарий несколько раз. Тут бы парировать, а указательный палец никак не отыщет нужную букву. И то правда: ну как на это ответить?

Отец Георгий из села Горянина и без Недовзорова знает, что гвозди сами не вколачиваются, — над прудом розовеет храм, который настоятель собственноручно обивал дранкой под штукатурку. И про картошку настоятелю известно, что она не ангелами сажается, деревня как-никак. Да и что это за откровения? Зато новость, что «в жизни всё зависит только от человека», батюшку озадачила. «Это что же, захотел сам себе народиться и народился? Так по его выходит?»

Настроение испорчено.

Настоятель вышел на двор. Взял колун, поводит над берёзовым чурбаком, замахнулся и... опустил. Взял было грабарку, сунулся чистить поросячий закут, а там — хрю! Почудилось, будто из-за загородки опять оно: «Попья дурья башка! Хрю!» И харя ещё свинячья.

— Что, тоже, поди, думаешь, что в жизни всё от твоего хрюка зависит? Не дам вот тебе жрать, как тогда захрюкаешь, а?

Побродил батюшка по двору, поглядел в огород, где картошку, которая «сама не посадится», пожирает колорадский жук, да и пошёл себе в дом.

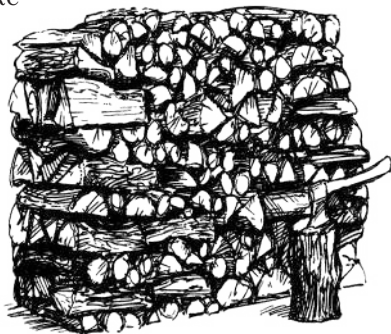
К ночи расплясалась гроза. То где-то за лесом притопнет, то за фермой. Сна нет. Отец Георгий ворочается, всё думает, думает: «Ну вот тебе, скажем, молния. От кого зависит, куда она сейчас долбанёт? Ох ты горюшко...»

...Стихия улеглась только за полночь. Где-то по-над речкой защёлкал шальной запоздалый соловей. «От кого он зависит, а?»

Священник всё пытался постичь, как нужно ответить Недовзору, чтоб его просветить, но ничего не придумал и только лишь разозлился на себя.

Перед рассветом бессонница сказала: отец Георгий сел выпить чаю, притулился к печке

и задремал. И снова пригрезился райский лужок! Только теперь лужок далеко, там, за речкой. И там, в луговых ароматах, блаженствует — сама кудряшка — бабка Маруся. Там и Танька Лукичёва: вон крестик сияет серебром. И зоотехник тоже там, со праведными. И все-то там! И лишь отец Георгий отчего-то не с ними. И как

туда перебраться, совсем ему невдомёк: ни моста тебе, ни лодки. Стоит его преподобие, за спиной лес, кручинится, тянет к овечкам руки... А тут его кэ-эк толканёт пониже спины: «Бе-э!» Обернулся батюшка, а это баран. «Но как же, барашкам ведь там, на лугу, полагается!» Да и сам отец Георгий хочет туда, за реку, где свет и радость. А этот всё носится кругами: «Бе-э!» От отчаяния батюшка во сне даже расплакался. «Да как же!» И вдруг будто архиерейский голос с того берега:

— Эй, преподобие, чего стоишь?! Хватай барана и дуй сюда! Гляди, сколько тут у нас места, на всех!

У батюшки даже коленки затряслись.

— Да как же нам! Тут и самому через речку никак, а этот ещё носится, бодается. Бе-э ему, видите ли.

— А ты кто тут на земле?! Пастух или размазня?! Зачем Бог тебе стадо доверил, а? Хворостину у воды срежь и гони его сюда вплавь, покуда волки не зажрали! Овечки ждут, им пастуха надо, а ты всё с одним этим малахольным хороводишься! Тоже мне, понимаешь! Шевелись!

Пастырь обернулся, а из леса и правда волки, барашка учуяли, идут, с клыков капает. А этот всё носится, не понимает. Блеет ещё, глупый, и так уж его услышали. Ох, беда прямо. Спасать надо...

Тут пастуха опять боднуло, он и проснулся.

Огляделся. Из рукавойника капает, кошка зевает, язык высунула. Под окном квохчут куры. В тумане старенькая Архиповна гонит корову, позвякивает ботало. Отцу Георгию — известному жизнелюбу — жаль своего пресветлого лужка. И себя жаль, и барана, и овечек, что остались там без присмотра. Он поморщился, потёр у сердца... Потянулся напиться, а руки дрожат, вода из кружки проливается. «Во сне и то с ним не сообразишься. А наяву как быть? Тут и вовсе...»

Поднялся полить герань — полкружки пролил. Ох...

Киса трётся о ноги, глаза голодные: «Мя-а!» Батюшка положил ей в миску творожку, а она опять таращится и — «Мя-а».

— Глухая, ступай, вон у тебя в миске лежит!

А она в глаза смотрит и всё только «мя» да «мя».

— Ты этак с голоду помрёшь при свежих харчах! Иди, говорю! Вон там!

Не понимает Киса, смотрит голодно. Отец Георгий разозлился:

— Тебя что, носом надо? Чтоб тебе же хорошо, да? — взял за шкуру и мордой — в творог. Тут кошка и давай наворачивать. Батюшка пробормотал: — Коли жалеешь Божью тварь, так и носом иногда приходится. Во как... А этого, от которого «всё в жизни зависит», не жалко, что ли? Тоже ведь тварь Божья, какая-никакая... Отмахнись от него, так ведь он и пропадёт. Ох...

Отец Георгий вздохнул и побрёл к компьютеру свой последний сон описывать. «Надо, чтоб из этого сна настоящая проповедь получилась. Чтоб Недовзоров прочёл и уверовал, чтоб проникся, чтоб прямо носом — во благое».

Сперва проповеднический опус не давался, буквы терялись, слов не было. Но потом из-за печки высунулась давешняя Муза, подстроила свою дребезжащую лиру, принялась помогать, и нужные слова сами посыпались: тут тебе и «струны души окаянной» зазвенели, и «покаянья солёный вкус» возник, и «слезы сокрушения» пролились, и «преддверие могилы» зазяло. И даже тебе «октись».

Вечером эпическое литературное полотно «Батюшка и баран» уже собирало в сети свои комментарии.

Слон забрался в огород

Когда Володя Капустин овдовел, ему показалось, что жизнь окончена: сорок семь лет, дети разъехались, с работы сократили, ибо в век инноваций зоотехники никому не нужны, — одно к одному. Но хозяйственные хлопоты, как известно, врачуют. Было дело, раньше хлопоты врачевали покойную супругу, теперь же они принялись за его — Володино — исцеление. Он и сам не заметил, как «рана на душе» зарубцевалась, а слёзы высохли: в хлеву у Капустина мычит, в курятнике кудахчет, в закуте хрюкает — всё требует рук. И в огороде тоже — не горюй, успевай-поворачивайся.

На полустанке, где сидят с домашним товаром сельские торговки, Володя занял место своей покойницы. Когда из электрички вытекал на платформу охочий до «экологии» дачный народ, Капустин громче соседок провозглашал своё: «Молоко, молоко домашнее! Картошечка, тёпленькая картошечка! Маслице!» Со своей тележкой вдовец проворно суетился, и нерасторопные старухи, оказавшиеся вдруг при этом соседстве в финансовой яме, сильно его невзлюбили. Ходили слухи, что бабка Галя, которая торгует прогорклыми семечками, посетила как-то местную шепталку, чтобы та извела конкурента проклятого.

Но знахарка, видать, накануне не выпалась, и вместо того, чтобы околеть, Капустин смастерил себе тележку больше прежней и расширил ассортимент.

Дом энергичного вдовца приятели теперь обходили. Вечерами одинокий уставший Володя усаживался в кресло, гладил пухлого рыжего кота и смотрел дремотными глазами программу «Время». Однажды сосед привстал на цыпочки, с надеждой заглянул в капустинское окно и скис: «Даже и не выпьет! Чё просто так сидеть-то? Сбрэндил, — и философски заключил: — Всё. Нет былого огня в Вовиной крови».

Но огонь в Вовиной крови бушевал! Правда, бушевал в основном по ночам, поскольку днём не до огней. После крестьянского дня Владимир зевал, выключал телевизор и вырубался. И снилась ему одинокая дачница Елена Сергеевна, которая проживала в доме с запущенным садом на краю села. Снились её длинные волнистые волосы, её не по возрасту хрупкий стан, её свободное длинное платье, и не только. В полночном пруду плавала луна, седина лезла в Володину бороду, зудело ребро. Сны витали над его изголовьем, как в далёкой допризывной юности.

Однажды на улице дачница подмигнула Капустину, Капустин пришёл домой и произнёс: «Женюсь». Кот, дремавший в кресле, приподнял рыжую голову и услышал от хозяина следующее: «Пойми, урюк, человеку одному на земле противопоказано.

По хозяйству одному уже никак. И дети... Дочке отправить надо? Надо. Двум пэ-тэушникам в общагу надо? Надо. И пирогов домашних хочется. Да и вообще. Сегодня и посватаюсь». Кот зевнул, помотал головой. В его зелёных глазах читалось: «Давай, приводи ещё рот на нашу сметану. Самим мало».

— Приведу, — пообещал Володя.

Актёр Тихонов в известном фильме как-то сообщал, что от людей на деревне не спрятаться, и был прав. Среди торговков на полустанке про Елену Сергеевну поговаривали, что будто бы на заре она купается нагишом, мяса не потребляет, а вечерами из её окон гундит странная песня, в которой поминаются такие предметы: харя, крыша, снова харя и почему-то рама. Какая такая эта рама, торговки не знали. А ещё у неё временами гостюют лысые друзья. Капустин смекал, в чём дело: сам когда-то, живя в общежитии сельхозинститута, дружил с бритым наголо лоботрясом Костей. Костя плясал на левой ноге, звенел колокольчиками для донки и горланил «Харе Кришна». За прогулы Костю отчислили, а Капустин и без Кости потом ещё долго слушал Гребенщикова и временами Рериха полистывал. И хотя по всему выходило, что Елена Сергеевна «из этих», но ещё одна пара рук в хозяйстве не была лишней, а ночью и вовсе нет разницы, из тех она, из этих или ещё из каких.

Вечером Капустин побрился-собрался, начистил туфли. Долго думал, что взять в качестве гостинца. Сало и окорока по понятным причинам отпадают, вина-коньяки — тоже. Остаются цветы, вон их сколько в палисаднике, но с ними за двор — никак: старухи заключают. Капустин решил задачу так: взял сметаны, банку мёда, головку домашнего сыра и, оглядываясь, огородами двинул на край села, где в запущенном осеннем саду стоял домик яркой цветастой дачницы.

К подворью дачницы вела заросшая бурьяном тропа. Володя обстрекался крапивой и нацеплял на штаны репёв. У калитки отряхнулся, оправился. Во дворе некошенный бурьян стоял лесом. «Мужика нет, — убедился Капустин, — а то б скосил». Он толкнулся в калитку, калитка упала. «Починим», — решил Володя и воззвал:

— Хозяйка! Гостей принимай!

Дверь тягуче заскрипела, будто это и не дверь вовсе, а сам дом норовит стать к лесу задом, а к гостю передом. На крыльце показалась хозяйка, одетая будто давняя студенческая подруга недоучки Кости, что скакала тогда под его рыбацкий колокольчик. Хозяйка поклонилась, её седеющие волосы вблизи не показались Владимиру такими уж привлекательными. Гнилые ступеньки крыльца зловеще скрипели, когда гость поднимался, а одна и вовсе провалилась. Мужика дому не хватало давно.

В комнате назойливым комаром монотонно звенит и постукивает незримый гаджет. В скрипе-постукивании слышна нудная песня про ту самую «харю», о какой судачили на полустанке. С потолка свисают пыльные бумажные гирлянды, с картины пялится страшное синюшное существо. Другая картина а-ля Рерих изображает горы. После срочной службы на Кавказе Капустин горы ненавидел. Он считал, что равнина, особенно русская, — это самое живописное явление. Что может быть живописнее майского заливного луга? Или реки? Или луга у реки? В юности Вова искренне недоумевал, почему Рериху всегда требовалось рисовать именно горы, и подозревал у художника расстройство ума.

Владимир подмигнул хозяйке, выложил на стол свои домашние гостинцы, и тут же у его ног засуетились две тощие кошки. «Кошки-то совсем чабошные, — отметил Володя, — ничего, откормим». Оглядел хозяйку: «И её откормим». Сладко-горький дымок струится под закопчённым потолком, тускло мерцают свечи, комариным роем звенит нудная песня. Хозяйка жестом Зиты (или Гиты) указала гостю на старомодное кресло, гость сел.

— Знаю, что привело тебя в мой дом, — пропела хозяйка голосом, похожим на голос артистки Касаткиной, что озвучивала чёрную, как гудрон, наставницу индуса Маугли. — Ты ищешь свет, ты ищешь истину.

— Видите ли, Елена Сер...

— Молчи, — перебила Елена Сергеевна и приложила палец к губам, — тиш-ше. Тебя привёл он. — Она указала на стену, где синее существо с дудкой. — Сейчас мы будем пить чай, и ты попробуешь торт. Ты любишь торт? Молчи. Ты ещё не знаешь, какой изумительный торт мне привезли.

«Эге! — подумал Капустин. — Эта тебе — не вахлячок Костя из общаги. Эта сразу — за рога да в стойло!»

А хозяйка продолжила:

— После чаепития тебя коснётся он, — и указала на синерожее существо.

Володю передёрнуло, он не хотел, чтобы его касалась эта потусторонняя личность.

Хозяйка удалилась. Спустя минуту она внесла залапанные чашки и крохотный тортик. Володя решил, что после чая он и расскажет хозяйке, что пришёл не за какой-то там истиной, а за ней, за Еленой Сергеевной, расскажет, как они с ней заживут. Ведь у него и корова, и прочее, и дом — полная чаша. Всё есть, а хозяйки нет. И он принялся жевать торт, отдающий резиной. Первый кусок никак не хотел проглатываться. С трудом Владимир одолел его, и тот — шлёп! — упал в утробу. А следующий кусок шлёпнулся почему-то в голову. В черепе пошёл эхом гулять звон. Потом горы на картине задрожали, и комната завертелась в трёх направлениях. «Э, да она же ведьма!» — подумал Капустин, и его замутило. Захотелось переловить невидимых нудных комаров, захотелось, чтоб заткнулись голодные кошки. Синий портрет с дудкой зловеще выпучил свои добрейшие глаза, раздул ноздри. Хозяйка что-то шептала, прикасалась ко вдовцу одинокими горячими руками, которых было ровно пять. И сквозь огоньки, скрипы, жесты, дудки, сквозь горы и шёпот далёким ветром доносило до слуха Капустина хрюканье голодного капустинского борова и мычание недоеной капустинской коровы — самой обыкновенной коровы, не священной, а потому глупой и вряд ли одобряющей священную кулинарную наркоманию. За окнами